УДК 911.3

Голубчиков Ю. Н., *к. г. н., вед. науч. сотр.*
МГУ имени М.В.Ломоносова

О ЕСТЕСТВЕННО-ГУМАНИТАРНОМ ЕДИНСТВЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ НАУКИ

Гуманізація географічних знань необхідна для відновлення єдності природничих і гуманітарних галузей географії. Краєзнавство висувається в теоретичну та методологічну основу місцевого самоврядування. Предметом географії людини пропонується вважати географічне середовище в її найрізноманітніших проявах.

Ключові слова: природно-гуманітарне єдність, гуманітарна географія, краєзнавство, географічна середу

Гуманизация географических знаний необходима для восстановления единства естественных и гуманитарных отраслей географии. Краеведение выдвигается в теоретическую и методологическую основу местного самоуправления. Предметом географии человека предлагается считать географическую среду в ее самых разнообразных проявлениях.

*Ключевые слова**:** естественно-гуманитарное единство, гуманитарная география, краеведение, географическая среда*

© Економічна та соціальна географія. – Вип. 64. – 2012.

The humanization of geographical knowledge is needed to restore the unity of natural and humanitarian branches of geography. The local area studies is advanced in theoretical and methodological basis of the municipal government. The subject of human geography is invited to consider the environment in its most diverse manifestations.

Key words: natural-humanitarian unity, human geography, local area studies, environment

Вступление. Актуальность темы. Среди нерешенных общих проблем географии, проблему ее единства и целостности В.С.Преображенский именовал первой. «Любопытно, но не оправдано: в Москве ни в Институте географии, ни на геофаке МГУ в послевоенные годы не было создано ни академических сводок, ни монографических работ, обосновывающих единство географии» - писал великий классик [18, с.100-111].

Анализ последних исследований и публикаций. В работах Н.М.Дронина [12] и Ю.Г.Симонова [21] раскрыто как оказалось разрушенным естественно-гуманитарное единство отечественной географии в начале 1930-х годов. В советской науке начала тогда последовательно проводится линия разграничения законов природы и законов общества. Физическую географию было предложено считать естественнонаучной дисциплиной, руководствующуюся прежде всего положениями диалектического материализма и эволюционизма. Экономическая география была объявлена общественной наукой, базирующейся на фундаменте исторического материализма и политэкономии. Любые попытки объединить законы исторического и диалектического материализма в одной концептуально схеме жестко подавлялись.

Изложение основного материала. Физическая география лишилась своих антропогеографических, страноведческих, историко-культурных и этнографических составляющих. Но и экономической географии они оказались не нужны. С тех пор под этим названием стала выступать экономико-отраслевая география, оперирующая прежде всего хозяйственно-управленческими или формально-правовыми системами. Физико-географическая характеристика страны или части света стали преподносится так, будто не существуют ни народов, ни населения, ни их истории. В физической географии исчез человек, остался лишь антропогенный фактор, в экономической географии – не осталось природы, остались природные ресурсы. Сетка экономико-географического районирования перестала накладываться на физико-географическую. Курс физической географии перестал логически предшествовать курсу экономической, а курс экономической географии не продолжает курс физической. Это два разных курса. Изучать их стало возможным совершенно порознь. И уж вовсе отдаленными оказались они от курса истории.

В создавшихся условиях предпочтительнее было избегать прямых соприкосновений между физико-географическими и экономико-географическим ветвями географии. Легче было себя чувствовать или там или там. Но рассматривать с этих ветвей разделенной географии этно-цивилизационные процессы, значение природной среды в жизни народов, географический ход истории или ландшафтно-сакральные ценности географы были уже не в силах. Были, конечно, исключения, но им было нелегко. Известно сколько сложностей испытал В.А.Анучин с защитой докторской диссертации по теме «Теоретические основы географии», отстаивавшей парадигму единой географии.

Многие географы уходили в узкопрактические изыскания или блуждали далеко за пределами своей науки, находя себе удовлетворение в применении арсенала физико-химических или социолого-статистических методов научного анализа. За идеал стал приниматься принципы редукционизма. С развитием электронно-вычислительной техники связывалось развитие комплексных географических исследований. Однако, этого не произошло. Напротив, именно математизация и формализация усилили дифференциацию и дегуманизацию географии.

Утрату комплексности географических исследований нередко связывают с исключительной сложностью географических систем, включающих множество элементов. Преодолеть проблему предлагается путем упрощения и схематизации сложных систем количественными методами. Однако, скорее прав А.В.Гладкий [6, 7] связывающий главную причину исчезновения комплексности с утратой географией своего философско-гнсеологического содержания и с общей дегуманизацией географического знания.

Парадокс в том, что гуманизировать географию сегодня возможно лишь на основе самого широкого использования современных методов обработки информации. Более того, на этом пути видится появление единых общегеографических методов познания и унификация понятийно-терминологического аппарата [6, 14]. Так, появление геосервиса Google Earth интегрированного с веб-сайтом Panoramio вовлекают в землеописание самые широкие слои населения [23]. В 2007 г. число присланных пользователями Panoramio снимков составило 1 млн, в 2009 г. — 20 млн, на 3 октября 2011 года насчитывалось 60 миллионов фотографий с сохраненными координатами [26]. География не должна упустить этот мощнейший ресурс землеописательного осмысления мира. Как в свое время упустили советские географы значимость перехода к территориальному планированию в 1960-х годах или экологическую тематику в 1980-х.

«Мы не описательная наука, мы не землеописание, мы изучаем пространственные системы и пространственные закономерности различного типа и уровня» - возразят иные географы. Они стыдятся своего родства с географией и часто переименовывают ее название в геоэкологию. Описание почвенного разреза считается наукой, а описание населенного пункта с

окружающими его лесами и водами именуются «экстенсивными хорологическими зарисовками «на глазок»», «фотографическими» слепками» окружающего мира» и рассматриваются «одним из самых серьезных препятствий на пути развития географии как науки», считаются «достоянием истории». Пожалуй, ни в одной иной науке не найти столь яростного открещивания от породившего ее начала. В чем-то сродни оно юношескому максимализму.

Землеописание, или землеведение, до революции рассматривалось как мироведение. Родиноведение (отчизноведение) было своего рода «малым мироведением». Страноведение рассматривалось как наука, лежащая между землеведением и ландшафтоведением. На базе страноведения формировалось учение о ландшафте Берга [□2].

В 1920-е гг. слово «родина» у новой власти оказалось не в чести и название «родиноведение» сменилось на более нейтральное — «краеведение». До конца 1920-х гг. краеведение рассматривалось как особая наука, направленная на изучение географии родного края [3]. Как и ландшафтоведение, оно было тоже своего рода “малым страноведением” [1]. Научное руководство краеведением осуществлялось Академией наук.

Ландшафтоведение изначально развивалось как часть страноведения. Человек рассматривался в ландшафте в двух аспектах: как фактор воздействия на ландшафт (антропогенный аспект) и как объект воздействия природного ландшафта на самого человека через его быт, уклад и духовный мир (антропогеографический аспект) [12].

В народе и сейчас сохраняется образ комплексной географии, единого краеведения и ландшафтоведения, представление о близости географической и исторической наук. Общество не интересуют узкодисциплинарные направления географии и оно, по видимому, никогда не будет воспринимать ее, как одну из «точных естественных» наук.

С каждым годом все больше поднимается интерес к краеведению, географической карте, наследию, народоведению, пейзажеведению, локальным историческим разработкам увязанным с комплексными географическими характеристиками. Однако, среди весомого круга профессиональных географов такого рода работы рассматриваются «не более чем дилетантское барахтанье в предметах смежных наук» [16, с. 56]. Краеведение связывается не с фундаментальным знанием, а с просветительской или памятнико-охранительной деятельностью, осуществляемой энтузиастами-общественниками. Наука от краеведения отказалась и оно оказалось в ведении краеведческих музеев, школ и турклубов. Между тем, так было не всегда и дольше не должно так оставаться. Говоря словами советника Президиума РАН академика РАН Б.С.Соколова: «научное краеведение было в сфере серьезного внимания со стороны Российской Академии наук уже с 20-х годов ушедшего столетия и сейчас требует особого внимания, поскольку затрагивает самые глубины

провинциальной России, где скрыты корни ее нравственности и корни многих направлений культуры, научно-хозяйственного опыта, предпринимательства» [22].

В.С.Преображенский [17] отмечал, что ландшафтоведение не выживет, если не будет считаться не общегеографической, а лишь физико-географической наукой и не станет рассматривать человека по отношению к ландшафту не как внешнюю силу, а как его компонент. Культура, искусство, религия начинают восприниматься в качестве важнейших элементов ландшафта [4].

Но географической литературы такого рода для широкого потребителя почти нет. Из российских географических изданий выпали живые описания природы и человека. Выросли поколения географов, рассматривающих эти направления, как нечто «ненаучное» и «популяризаторское». А ведь именно этими «неглавными» направлениями как раз и оправдано существование географической науки в глазах налогоплательщика. Как бы это не омрачало всевозможных редукционистов, но методы землеописания всегда будут рассматриваться как главные методы нашей науки и значение их стремительно растет в связи со всеобщей вооруженностью населения цифровыми аппаратами.

«Если наука ограничивает себя в мировоззренческих притязаниях, она стремительно теряет престиж и статус» — утверждает культуролог и писатель Александр Генис и добавляет: “Физики без метафизики нам не хватает, но и метафизика без физики нам не нужна” [5, с. 210–211]. Как никогда сегодня актуален прорыв на оставленные наукой свободными от себя сферы. «Эпохальные прорывы в развитии фундаментальной науки практически всегда были связаны со снятием тех или иных запретов на границы познания, отказа от тех или иных устоявшихся убеждений и заблуждений» - пишет академик В.А.Садовничий [20].

По самой своей сути землеописательная составляющая географической науки могла бы возглавить процесс преодоления барьеров между самыми разнообразными знаниями, как естественными, так и гуманитарными, между научным, вненаучным и трансцендентным. Землеописание возможно и на самом локальном, краеведческом уровне, где каждому открываются возможности участия в «краестроительстве» своей деревни, села, улицы или района, т. е. территории доступной личным и длительным наблюдениям. Тут краеведение становится философско-методологической основой муниципального управления.

Именно муниципальное управление может и должно заботить инвентаризация эстетических ресурсов России. Парадоксально, но у самой огромной страны мира ни одно ведомство не озабочено ни украшением ее пространств, ни их имиджевым продвижением. Между тем, красота в мире становится ныне важнейшей характеристикой любой территории и страны, значимой не менее богатства их недр. Для авторитета государства важно также

имиджевое продвижение тех или иных его территорий. Оно сегодня становится, пожалуй, поважнее укрепления ее военно-экономического могущества. На эту деятельность развитые страны ежегодно выделяют средства, входящие в число приоритетных расходных статей государственного бюджета. Целые индустрии природно-культурного наследия зиждятся на умелом имиджевом продвижении своих стран.

Конструирование положительного образа территории – это тоже естественно-гуманитарная ось единой географии. Оно важно для создания благоприятной среды ее жителям и напрямую влияет на величину кредитных товарных, туристических и инвестиционных потоков. Образ территории выступает решающим фактором укрепления патриотизма, повышения внимания к туристическим объектам, сдерживания эмиграции и решения любых задач, связанных с выбором в пользу своей страны и своего региона [15, 13, 11].

Развитие гуманитарной географии на Западе привело к появлению знаний, которые трудно идентифицировать с какой-либо из традиционно выделяемых отечественной наукой отраслей. Подчеркивается общенаучное положение географии человека для географии, подобное тому, которое занимает общее землеведение среди физико-географических наук [19]. На географию человека перемешается все последние десятилетия центр внимания западной университетской школы. Связано это, по мнению Ю.Н. Гладкого и А.Н. Петрова [9], с обретением физической и экономической географиями излишней механистичности и статичности в ходе количественной революции с ее формализованными методами описания пространства и стремлением подменить сущностные основы науки системной фразеологией. Это вызвало протест и утверждало гуманитарную географию, поставившей в центр своего внимания холистческий подход с целостным познанием человека.

Термин «гуманитарная география» (*human geography* от лат. *humanitas:* духовная природа человека) эффективно применять к областям географии, лежащим на стыке ее физической и социально-экономической ветвей. Если физическая и экономическая географии традиционно близки к осмыслению мира как развивающейся материи и материального производства, то лежащее в основе прилагательного «гуманитарной географии» духовное начало возвышает ее над материальной географией и вооружает более чувствительной когнитивной оптикой.

Непосредственным предметом гуманитарной географии чаще всего выдвигаются «качественно особые процессы на стыке природных, экономических, социальных, политических и иных явлений в рамках тех или иных пространственных систем» [9, с.23]. Именно в этом междисциплинарном «зазоре» «география действительно является единой, комплексной наукой [8].

Единое знание гуманитарной географии логически подразделяется на интегративные субдисциплины, находящиеся на соответствующих стыках географии с науками о человеке: культурологией (культурная география),

экономикой (экономическая география), социологией (социальная география), психологией (поведенческая география), медициной (рекреационная география), политикой (политическая география), эстетикой (эстетическая география), философией (теоретическая география), эпистемологией (информационная география, когнитивная география) историей (историческая география, история колонизаций) и т.д. [9, 25]. Во всех случаях характер связей этих наук с природой является мерилом их пребывания в географии, а не в культурологии, экономике, социологии и т.д.

По всей видимости, предметом рассмотрения гуманитарной географии следует считать географическую среду в ее самых диверсифицированных проявлениях. Хотя, по аналогии с культурной географией [24], дело тут не столько в субстратном сегменте изучения, сколько в эпистемологическом угле зрения. Туризм можно рассматривать и как прикладное приложение гуманитарной географии, и как динамический метод познания географической среды.

Выводы. С появлением антропного принципа даже физика стала исходить от человека. Звездный купол стал неизмеримо ближе и человекоразмернее [10]. Пришло, видимо, время и для гуманизации географии, сохранившей в своем гуманитарном ядре элементы утраченного единства науки, литературы, искусства и религии. Перефразируя афоризм Клода Леви-Стросса, можно сказать, что в географии XXI век будет веком гуманитарной географии, или географии не будет вообще.

Список использованных источников

1. Барков А. С. О научном краеведении. // Вопросы методики и истории географии. М. Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 71-83.

2. Берг Л.С. Предмет и задачи географии // Изв. Русского Географического общества, 1915, том 51. С. 463-475.

3. Берг Л. С. Предмет и задачи краеведения // Как изучать свой край. Л., 1925.

4. Веденин Ю. А., Кулешова М. Е., Андреева Е. Д., Калуцков В. Н., Оболенская М. А. Методология изучения культурных ландшафтов как объектов наследия // Культурный ландшафт как объект наследия / Научн. ред. Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова. М.; СПб.: «Дмитрий Буланин», 2004. 618 с.

5. Генис А. Культурология. М.: У-Фактория, 2003. 544 с.

6. Гладкий О. В. Гуманістична парадигма географії. // Економічна і соціальна географія: Наук. зб. Ред. кол.: С. І. Іщук (відп. ред.) та ін. – К., 2004. - Вип. 55. – С. 11-20.

7. Гладкий О.В. Географія і втрачена єдність // Наукові записки Вінницького педунверситету. Сер. Географя. – 2010.- Вип.21.

8. Гладкий Ю.Н., Петров А.Н. Гуманитарная география: понятийный статус и самоидентификация // Изв. РАН, сер. географическая, 2008, № 3, с. 15-25.

9. Гладкий Ю.Н.Гуманитарная география в зеркале антропогеографии // Региональные исследования, 2010, № 1 (27), с. 5-15.

10. Голубчиков Ю.Н. Методологический потенциал антропного принципа в познании биосферы // Известия РАН. Серия географическая, 2010, № 3, с. 106-114.

11. Грибок М.В. Геоинформационный метод исследования образов регионов России в средствах массовой информации // Известия РАН. Сер. геогр. 2009, № 3— С. 118-126.

12. Дронин Н.М. Эволюция ландшафтной концепции в русской и советской физической географии. —М.: ГЕОС, 1999. 232 с.

13. Замятин Д.Н. Образный империализм // Политические исследования. 2008. № 5 — С. 45—55.

14. Іщук С. І., Гладкий О. В. Історія поглядів на географію, її об'єкт і завдання дослідження // Історія української географії. Всеукраїнський науково-теоретичний часопис. – Тернопіль: Підручники і посібники, 2006. – вип. 13. – С. 8-14.

15. Колосов В.А., Тикунов В.С., Заяц Д.В. Мир в зеркале средств массовой информации: использование анаморфоз в политико-географическом анализе. // Вестник МГУ. Сер.5. География, 2000. - №2. - С. 3-8.

16. Наука и искусство географии: спектр взглядов ученых СССР и США. М., 1989, 200 с.

17. Преображенский В.С. Острые проблемы ландшафтоведения на рубеже веков // Изв. РАН. Сер. Геогр. 1998, № 3. С. 14-19.

18. Преображенский В.С. Я — географ. М.: ГЕОС, 2001, 292 с.

19. Преображенский В. С, Александрова Т.Д., Максимова Л. В. География в меняющемся мире. Век XX. —М.: ИГАН, 1997. 273 с.

20. Садовничий В.А. Математическое образование: настоящее и будущее // Доклад на конференции в Дубне 18.09.2000 / http://www.mccme.ru/conf 2000/trudy/sadov.htm

21. Симонов Ю.Г. История географии в Московском университете: события и люди. Том 1. — М.: Городец, 2008. — 504 с.

22. Соколов Б.С. Строки вольных размышлений // Вестник РАН. 2000. № 9.

23. Соколова А.А. Виртуальное освоение и виртуальные образы региона (по данным Google Earth и Panoramio) // Изв. РГО, 2010. Т. 142. Вып. 6. С. 31-40.

24. Стрелецкий В.Н. Парадигмы геопространства и методология культурной географии // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 1. М., 2004. С. 95-119.

25. Kitchin , R. and Thrift, N. eds. International Encyclopedia of Human Geography. Oxford, UK: Elsevier, 2009.

26. Panoramio http://ru.wikipedia.org/wiki/Panoramio